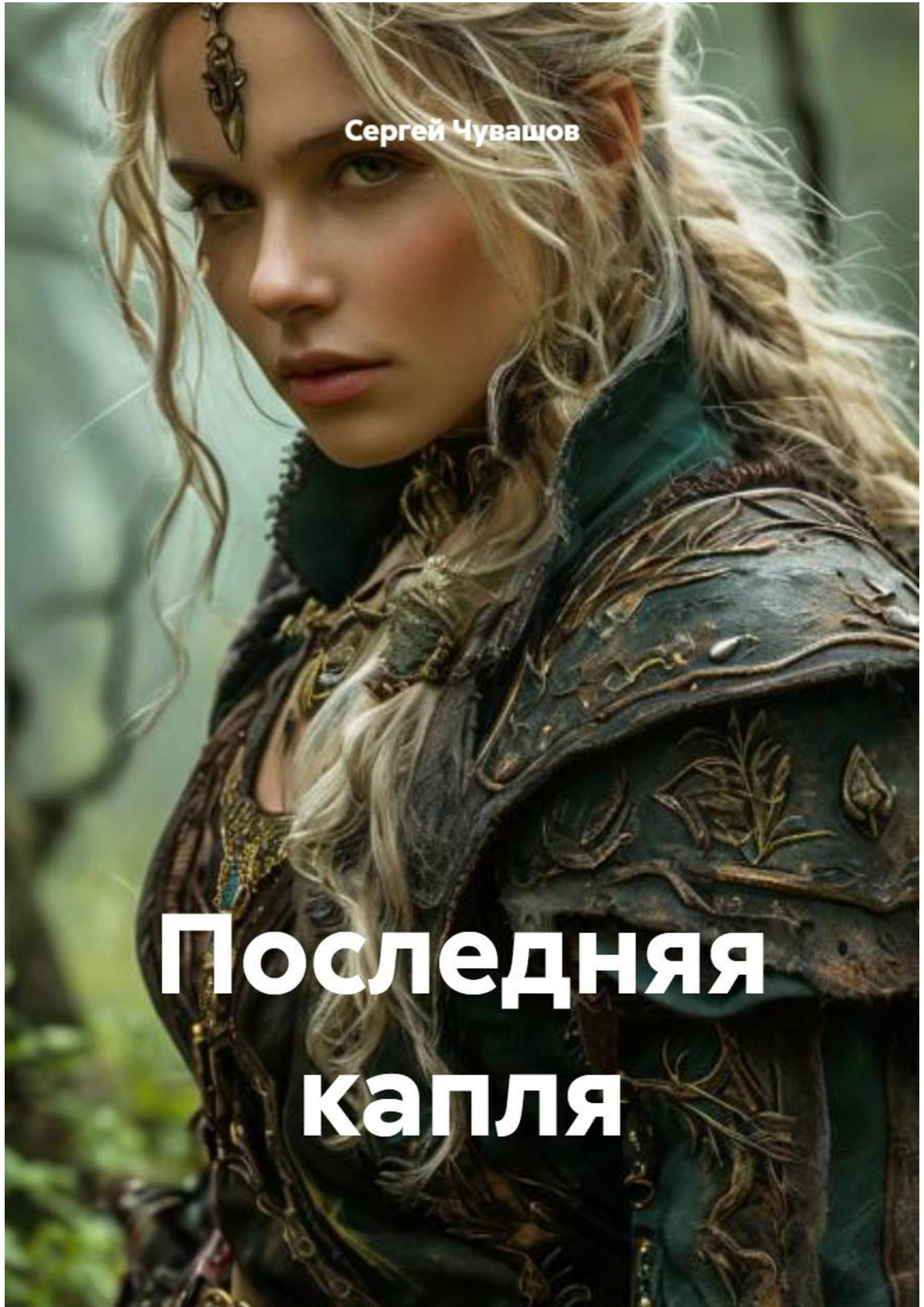

Сергей Чувашов

Последняя капля

Сергей Чувашов

Последняя капля

«Автор»

2026

Чувашов С. Ю.

Последняя капля / С. Ю. Чувашов — «Автор», 2026

В мире, где сила определяется родословной, Аэлина — последняя хранительница древней и грозной магии крови, таящаяся под личиной простой травницы. Лириан — лучший охотник Королевского ордена, человек, чья жизнь посвящена искоренению таких, как она. Их встреча на затуманенных тропах Седого леса — случайность, полная молчаливого напряжения и необъяснимого влечения. Он видит в ней хрупкую беглянку, нуждающуюся в защите. Она в нём — смертельную угрозу и единственное спасение от преследующих её теней. Каждый день, проведённый рядом, — это игра с огнём, где неверный взгляд или случайная капля крови могут обернуться катастрофой. Когда правда, хрупкая, как первый лёд, начинает трещать, им предстоит сделать выбор: предать кровь, которая зовёт их друг к другу, или предать мир, что наверняка их уничтожит. Это история о любви, которая может либо спасти мир, либо стереть его с лица земли.

© Чувашов С. Ю., 2026

© Автор, 2026

Сергей Чувашов

Последняя капля

Глава 1. След в тумане

Туман в Седом лесу был не просто явлением природы; он был субстанцией, памятью, охранником. Он стелился меж исполинских сосен, скрывая корни, похожие на спящих змей, и впитывая каждый звук, кроме навязчивого, ритмичного капания с мокрых ветвей. Кап. Кап. Кап. Будто отсчёт последних секунд перед чем-то неминуемым.

Аэлина прижалась спиной к шершавой коре древнего дуба, пытаясь сделать дыхание тише этого капанья. Ладонь, прижатая к груди, чувствовала бешеный стук сердца – барабанную дробь, выдававшую её с головой любому, у кого слух был острее человеческого. От страха во рту стоял медный привкус, знакомый и пугающий. Привкус пробуждающейся крови, магии, которая просилась наружу, чтобы защитить свою хозяйку. Она сглотнула, заставляя силу отступить, уйти глубже, стать невидимой.

«Всего лишь охотники на оленей», – пыталась убедить себя она, впиваясь взглядом в серую пелену тумана. Но её собственные чувства, обострённые наследственным даром, кричали об обратном. Это был не страх перед зверем. Это было холодное, методичное ощущение опасности, идущей от разумных существ. От людей с железом в руках и определённой целью в сердце.

Они шли бесшумно, но лес делился с Аэлиной своими секретами. Напряжение в воздухе, чуть слышный скрип ремней, едва уловимый запах стали, конского пота и... чего-то ещё. Озона? Магии? Но не её, родной и органичной. Это была чужая, прирученная, вставленная в броню и амулеты магия Подавления. Магия охотников.

Сердце Аэлины упало. Королевский орден. Здесь, на самой окраине мира, за неделю пути от столицы.

Мысли метались, как пойманная птица. Бежать? Но куда? Туман скрывал не только её, но и тропы. Издать звук, притвориться заблудившейся собирательницей ягод? У неё даже корзинки не было, только маленький, туго набитый ранец с самым необходимым – сушёными травами, щепоткой серебра, ветхой книгой в потрёпанном переплёте, которую она не могла выбросить, как не могла вырвать собственное сердце.

Внезапно, тишина сменилась чётким, резким звуком. Щелчок. Сухой ветки под аккуратным, но неосторожным сапогом.

Они были уже близко. Совсем близко.

Аэлина зажмурилась, вжимаясь в дерево, будто надеясь просочиться в него, стать частью дуба, молчаливой и неприметной. Её магия, напуганная и дикая, забилась внутри, предлагая выход: крошечный порез, капля крови на кору – и дерево оживёт, ветви сплетутся в плотную стену, корни вздыбятся из земли... Нет. Это означало бы верную смерть. Световую вспышку её силы на фоне всеобщего угасания, маяк для любого мага-подавителя в радиусе пяти лиг.

«Не двигаться. Не дышать. Стать тенью», – твердил внутренний голос, голос выживания, отточенный за семь долгих лет скитаний.

Туман впереди колыхнулся, рассекаясь темной фигурой. Он появился внезапно, как призрак, материализовавшийся из самой сырости. Высокий, в практичном, поношенном кожаностальном доспехе без опознавательных гербов Ордена, но с осанкой, выдававшей военную выучку. На поясе – длинный меч в простых ножнах, на спине – лук. Лицо скрывал капюшон и тень от высокого ворота плаща, но Аэлина почувствовала на себе тяжесть его взгляда. Взгляда, который сканировал местность, выискивая несоответствия, движение, жизнь.

Это был он. Центр того холодного пятна опасности. Лидер.

Он замер в нескольких шагах, его голова медленно поворачивалась. Аэлина видела, как его рука лежит на рукояти меча, не сжимая, а просто ощущая. Готовность, доведённая до рефлекса.

И вдруг его взгляд остановился прямо на ней. На тёмном пятне её плаща у дуба. Он не мог видеть её ясно сквозь туман и густую хвою, но он знал. Чувствовал её так же, как она чувствовала его.

– Выходи, – сказал он. Голос был низким, спокойным, лишённым угрозы, но от этого лишь более неумолимым. Как звук захлопывающейся каменной двери. – Я знаю, что ты там.

В этих словах не было вопроса. Была констатация факта. Капля холодного пота скатилась по позвоночнику Аэлины. Магия взыла внутри, горячим, паническим приливом. Она сжала кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони, едва не прорывая кожу.

Выбор был сделан за нее. Оставалось только его огласить.

Она сделала шаг вперёд, выходя из-под скудного укрытия ветвей, и туман обнял её, словно стараясь утешить обратно. Её фигура, худая и невысокая, завёрнутая в поношенный плащ, должна была казаться жалкой и беззащитной. На это она и рассчитывала.

– П-пожалуйста, – её собственный голос прозвучал хрипло от напряжения, тоненько, почти по-детски. – Я... я заблудилась.

Охотник не двигался. Капюшон слегка наклонился, изучая её. Молчание между ними растянулось, наполняясь тем самым капаньем с деревьев.

– Одна? В Седом лесу? – наконец произнёс он. В его тоне появились нотки скепсиса, но не жестокости. Скорее усталое недоумение. – Это самоубийство.

– Я... собирала корни для больной тётки, – Аэлина опустила глаза, играя роль испуганной крестьянки. – Туман сгустился так быстро...

– Какие корни? – вопрос прозвучал резко, как удар хлыста.

Аэлина замерла. Её разум лихорадочно перебирал знания травницы. – Кровохлёбка. Для жара. И... и медвежье ушко, для раны.

Ещё одна пауза. Затем он медленно, чтобы не спугнуть, снял капюшон.

Аэлина непроизвольно ахнула, но тут же закусил губу. Она ожидала увидеть лицо фанатика, изрезанное шрамами ненависти, или бездушную маску солдата. Но перед ней был мужчина лет тридцати, с суровыми, но правильными чертами лица. Тёмные, почти чёрные волосы, коротко стриженные, проседе у висков, которой быть не должно у человека его лет. И глаза... Серые, как туман вокруг, как сталь его клинка. В них не было безумия охотника за ведьмами. Была усталость. Глубокое, выгоревшее дотла утомление, и за ним – острая, живая наблюдательность.

– Меня зовут Лириан, – сказал он, и его голос потерял часть своей ледяной непроницаемости. – Я капитан королевской стражи. Мы ищем мародёров, грабящих обозы. Ты не видела подозрительных людей?

Королевская стража. Не Орден? Лёгкая, безумная надежда шевельнулась в груди Аэлины. Но нет, её чувства не обманывали. Магия Подавления исходила именно от него, от его амулета, спрятанного под доспехом, от самого его существа. Он был охотником. Просто сейчас его дичью были не маги.

– Н-нет, – искренне покачала она головой. – Только... только ваш отряд.

Уголок его рта дернулся – что-то вроде попытки улыбки, которая не удалась. – Мы тебя напугали. Прости. Лес в последнее время беспокойный.

Он сделал шаг ближе, и Аэлина отступила, наткнувшись спиной на тот же дуб. Лириан остановился, подняв руку в умиротворяющем жесте.

– Я не причиню тебе зла, девушка. Но и оставлять тебя здесь одну не могу. Это верная гибель. – Он огляделся, его взгляд снова стал аналитическим, командирским. – Где ты живёшь?

– В... в Дальнем Перелеске, – выпалила Аэлина название первой пришедшей на ум деревушки на краю карты.

Лириан кивнул. – Это в двух днях пути отсюда. И как раз по пути нашего маршрута. – Он вздохнул, и в этом вздохе слышалось раздражение на себя, на обстоятельства, на глупую девчонку, нарушившую его планы. – Пойдешь с нами. До окраины селения. Дальше сама.

Это было и спасением, и самой изощрённой ловушкой. Провести два дня в компании охотника на магов? Это было безумием. Но отказаться, настоять на том, чтобы остаться одна – значит вызвать ещё большие подозрения. А пойти с ним... Возможно, это шанс. Шанс остаться в тени, прикинувшись никем. Шанс переждать опасность под защитой того, кто для всех остальных и был опасностью.

Она встретилась с ним взглядом. Серые глаза изучали её, и в их глубине, за слоями усталости и долга, она уловила что-то ещё. Искру недоумения? Слабый интерес? Или это ей только померещилось, потому что её собственная кровь, предательски, отозвалась на его близость тихим, тёплым гулом?

– Хорошо, – прошептала она, снова опустив взгляд. – Благодарю вас, капитан.

– Лириан, – поправил он мягко. – Собирайся. Мы выступаем через полчаса. И постарайся не отставать.

Он развернулся и растворился в тумане так же быстро, как и появился, оставив её одну с бешено колотящимся сердцем и осознанием одной простой, ужасающей истины.

Самое опасное путешествие в её жизни только что началось. И вело её прямо в пасть к волку, который пока что решил притвориться овчаркой.

Глава 2. Между молотом и наковальней

Лагерь охотников был похож на часовой механизм: тихий, точный и безжалостно эффективный. Аэлина наблюдала за ними из-под опущенного капюшона, сидя на отведённом ей каменном выступе в стороне от общего круга. Семь человек, включая Лириана. Никакой излишней бравады, громкого смеха или перекличек. Тихие команды, чёткие жесты. Они разбили лагерь за двадцать минут: три низких походных шатра, сложенный в пирамиду хворост для костра, который сейчас тлел, не давая густого дыма, котёл на треноге.

Её анализировали. Она чувствовала это на своей спине – быстрые, оценивающие взгляды, когда думали, что она не видит. Молодая женщина-проводник с луком, её звали Кира, смотрела с открытым любопытством. Пожилой бородатый мужчина с секирой – Гарт – с подозрительным хмурым взглядом. Остальные сохраняли нейтралитет солдат, выполняющих приказ командира. Никто не подошёл. Никто не задал вопросов. Эта вежливая отстранённость была страшнее прямых допросов.

Лириан сидел у костра, чиня ремень на наруче. Его профиль в свете пламени казался вырезанным из тёмного камня – сосредоточенным, непроницаемым. Он был центром этого маленького, дисциплинированного мира. И она, Аэлина, была инородным телом, песчинкой, застрявшей в шестерёнках.

Её собственная магия вела себя как затравленное животное. Она сжалась где-то глубоко в солнечном сплетении, тяжёлым, тёплым клубком, который пульсировал в такт биению её сердца. Каждый раз, когда мимо проходил кто-то из охотников, особенно Гарт с его амулетом Подавления на груди, клубок сжимался, вызывая лёгкую, но мучительную тошноту. Её дар ненавидел их. Боялся. И желал... освободиться. Один неверный шаг, одна вспышка паники...

– Держи.

Аэлина вздрогнула. Лириан стоял перед ней, протягивая деревянную миску. От неё валил пар и исходил густой, дразнящий запах тушёной оленины с травами.

– Не отказывайся. На ужин сегодня только это.

Она неловко приняла миску, пальцы едва коснулись его. На мгновение её кожа ощутила шероховатость его ладоней, покрытых старыми мозолями и свежими царапинами. И снова – этот странный, тёплый толчок где-то внутри, будто её кровь узнала что-то родное в его прикосновении. Предательское, безумное ощущение.

– Спасибо, – пробормотала она, уставившись в миску.

Лириан не ушёл. Он сел на камень напротив, на приличном расстоянии, но всё равно слишком близко для её покоя.

– Дальний Перелесок, – произнёс он негромко, разминая плечо. – Старый Финн ещё тамошнего старосту держит? Ногу он себе тогда, лет десять назад, изувечил.

Ловушка. Простая и эффективная. Аэлина чувствовала, как холодная волна прокатывается по спине. Она никогда не была в той деревне. Ей было известно лишь её название и примерное направление.

– Финн? – она сделала глоток горячего бульона, чтобы выиграть секунду. – Кажется, он... он скончался прошлой зимой. Простуда.

Она рискнула взглянуть на него. Лириан смотрел в огонь, его лицо ничего не выражало.

– Жаль. Крепкий был старик. – Он помолчал. – А кто теперь староста?

Сердце Аэлины готово было выпрыгнуть из груди. Она мысленно проклинала себя за эту глупую, непродуманную ложь.

– Его... его сын. Торвин, – выпалила она первое пришедшее в голову имя, надеясь, что в какой-нибудь глухой деревне наверняка есть парень с таким именем.

Лириан медленно кивнул. – Понятно.

Он больше не задавал вопросов о деревне. Но в его серых глазах, когда он на мгновение встретился с ней взглядом, мелькнуло что-то новое. Не подозрение, а... понимание. Он знал, что она солгала. И почему-то решил пока что сделать вид, что поверил.

– Отдыхай, – сказал он, поднимаясь. – Встаём на рассвете. Путь предстоит трудный.

Когда он отошёл, Аэлина обнаружила, что дрожит. Не от холода. От того, что игра, в которую она ввязалась, была в тысячу раз опаснее, чем она предполагала. Этот человек был не просто солдатом. Он был умным. Внимательным. И в его снисхождении сквозила не слабость, а какая-то своя, непонятная ей расчётливость.

Ночь опустилась на лес, густая и звёздная. Туман рассеялся, сменившись пронизывающей сыростью. Аэлина укуталась в плащ, притворяясь спящей, но каждый нерв в её теле был натянут как струна. Она слышала, как меняются караулы, как тихо переговариваются охотники, как хрустит под сапогами Лириана мёрзлая хвоя, когда он обходил периметр.

Её мысли кружились вокруг него. Этот внутренний конфликт был изматывающим. Разум кричал: «Охотник! Убьёт, как только узнает!». Но её кровь, древняя и мудрая на уровне инстинктов, тянулась к нему с тревожным любопытством. В нём не было слепой ненависти, которой она ожидала. Была тяжесть. Груз, который он нёс на своих плечах, и который делал его... человеческим.

Под утро, когда небо на востоке стало светлеть до цвета мокрого пепла, случилось первое непредвиденное.

Аэлина, задремавшая наконец урывками, услышала сдержанное шипение и резкое движение. Она приоткрыла глаза. У потухающего костра стоял Лириан. Он снимал наруч, и в слабом свете зари она увидела на его предплечье свежий, глубокий порез – вероятно, полученный

при чистке дичи или от случайной ветки. Кровь, тёмная и почти чёрная в этом свете, сочилась по его коже.

И всё внутри Аэлины... взревело.

Это был не звук. Это был первобытный порыв, вихрь, поднявшийся из самых глубин её существа. Её магия, дремавшая и напуганная, увидела кровь. Чужую. Сильную. Живую. И откликнулась на неё с такой силой, что у Аэлины перехватило дыхание. Ладони вспотели, в висках застучало. Её собственное кровообращение ускорилося, будто отвечая на зов. Она почувствовала дикое, неконтролируемое желание... протянуть руку. Коснуться. Исцелить.

Этот импульс был настолько яростен и физически ощутим, что она вжалась в плащ, впиваясь ногтями в ладони, пока боль не пронзила туман в голове. «Нет. Нет, нет, нет».

Лириан, почувствовав её взгляд, обернулся. Его глаза сузились. Он видел, как она сидит, скорчившись, бледная как полотно, с широко открытыми глазами, полными неподдельного ужаса. Но ужаса не перед ним. Перед чем-то внутри себя.

– Что-то не так? – его голос был низким, но резким.

– М...мне приснился кошмар, – выдохнула она, отводя взгляд от его руки, будто обожжённая. – Простите. Я не хотела...

Она не могла закончить. Её тело дрожало мелкой дрожью.

Лириан молча наблюдал за ней несколько секунд. Затем кивнул, будто принимая объяснение, и вернулся к своим делам, наспех перевязав порез обычной полоской чистой ткани. Но в следующий раз, когда их взгляды встретились, когда отряд уже снимался с лагеря, Аэлина увидела в его серых глазах не разгадку, а новую, более сложную загадку. Он что-то заметил. Что-то странное в её реакции. И это «что-то» теперь тикало в пространстве между ними, как запальный шнур мины.

Дорога второго дня была молчаливее первой. Лес сменялся каменистыми осыпями, тропа вела вверх, к перевалу. Аэлина шла, кутаясь в плащ, чувствуя, как её дар бурлит внутри, не успокаиваясь после утренней вспышки. Она ловила на себе взгляд Киры – тот стал более изучающим. Гарт что-то негромко сказал Лириану, кивнув в её сторону, но капитан лишь отрицательно мотнул головой.

Она была на грани. Каждая минута в их обществе была пыткой. И самым мучительным было то, что часть её, та самая, что отозвалась на его кровь, начинала жаждать этой пытки. Начинала искать в его суровой, сдержанной фигуре хоть каплю тепла, хоть намёк на то, что он не такой, как все они.

Под вечер, когда они остановились на привал у быстрого горного ручья, Лириан подошёл к ней. В руке он держал свою флягу.

– Пей. Здесь вода чистая.

Она взяла флягу. Их пальцы снова встретились. И снова – этот тёплый, тревожный толчок. На этот раз она была готова, и смогла не дрогнуть. Она сделала глоток ледяной воды.

– Спасибо, Лириан.

Он не уходил, прислонившись плечом к сосне рядом.

– Завтра к полудню будем у развилки, – сказал он, глядя не на неё, а на бурлящую воду.
– Оттуда до Дальнего Перелеска – полдня ходу по равнине. Ты справишься одна?

Вопрос прозвучал формально. Но в нём было что-то ещё. Сомнение? Нежелание отпустить? Или это опять играло ей на нервы её собственное воображение, отравленное страхом и этим странным влечением?

– Справлюсь, – твёрдо сказала она, хотя мысль о том, чтобы остаться одна в незнакомой местности, пугала её не меньше, чем его общество.

– Хорошо, – он кивнул. Потом добавил, уже глядя прямо на неё, и его взгляд стал острым, как клинок: – По пути мы не встретили следов мародёров. Это странно. Разведка докладывала об их активности именно в этом районе.

Аэлина замерла. – Может... они ушли?

– Может быть, – согласился он, но в его тоне не было убеждённости. – А может, они знают, что за ними идёт охота. И ждут своего часа.

Он оттолкнулся от дерева.

– Будь настороже сегодня ночью, Аэлина. – Он впервые назвал её по имени, и это прозвучало непривычно мягко в его устах. – Не только из-за мародёров. Лес... он чувствует чужаков. И реагирует.

Он ушёл, оставив её с флягой в руках и с новым, леденящим страхом. Его слова были предупреждением. Но кому? Заблудившейся девушке? Или кому-то другому, кто, как он, возможно, начал подозревать, скрывается под личиной этой девушки?

Когда она вернула ему флягу позже, у потухающего костра, её рука дрогнула. На мгновение её мизинец коснулся тыльной стороны его ладони. Миг прикосновения. Искра.

Ничего не произошло. Ни вспышки света, ни взрыва силы. Но в ту же секунду где-то далеко в горах, завыл волк. Длинно, тоскливо, словно почуяв на ветру запах крови, которая только что едва не сорвалась с цепи.

Глава 3. Выбор

На третью ночь туман вернулся. Он стлался по земле густыми, молочными клочьями, выхолащивая звуки и искажая очертания деревьев. Воздух стал плотным, тяжёлым для дыхания.

Лириан удвоил караулы. Аэлина видела, как он лично проверял периметр, его фигура растворялась и вновь появлялась в белесой пелене, словно призрак. Беспокойство исходило от него почти осязаемо. Он не говорил ничего, но каждый его жест, каждый приглушённый приказ, отдаваемый Гарту, кричал об опасности.

Аэлина не могла уснуть. Её дар, разбуженный утренним инцидентом с кровью, больше не затихал. Он вибрировал под кожей, как отдельное живое существо, настороженное и готовое

к удару. Она сидела, прислонившись к стволу старого дуба, и слушала. Не только ушами – каждой клеткой. Лес затих. Не слышно было ни привычного шуршания мелких зверьков, ни криков ночных птиц. Была только гулкая, давящая тишина, нарушаемая шелестом тумана.

И затем – запах.

Сладковатый, приторный, знакомый до тошноты. Запах гниющей плоти и ржавого металла. Запах порчи, которую несли мародёры.

Аэлина вскочила, сердце заколотилось в груди. Она хотела крикнуть, предупредить, но горло сжалось. В тумане, в двадцати шагах от лагеря, мелькнула тень – неловкая, угловатая. Потом ещё одна.

Они пришли.

В лагере всё изменилось за секунду. Никто не подал тревожного крика. Охотники просто исчезли с мест у костра, растворившись в предрассветном мраке и тумане, будто их и не было. Осталась только Аэлина, застывшая у дерева, и потухающий костёр, шипящий от влаги.

Первая стрела прилетела из ниоткуда. Она с глухим стуком вонзилась в бревно у самой ноги Аэлины, а не в неё саму. Предупреждение? Промех? Чей выстрел? Потом лес взорвался звуками битвы.

Туман ожил тенями и вспышками. Слышался лязг стали, хриплые крики, сдавленные стоны. Охотники дрались молча, эффективно, как лесные хищники. Мародёры – с диким рёвом, не чувствуя боли. Аэлина прижалась к дереву, пытаясь сориентироваться. Её охватил первобытный, всепоглощающий страх. Бежать. Нужно бежать прямо сейчас, пока все заняты друг другом. Это её шанс.

И тогда она увидела его.

Лириан сражался против трёх. Его меч описывал в тумане широкие, смертоносные дуги, парируя удары тяжёлой секиры, кривого ножа и копья. Он двигался с грацией волка, но противники были нежитью, нечувствительной к усталости и ранам. Один из мародёров, тот, что с секирой, уже имел глубокую рану на боку, но это не замедляло его. Лириан отступал, его дыхание стало слышно даже сквозь грохот боя – частое, напряжённое.

Внезапно, мародёр с копьём сделал ловкий финт, отвлекая ударом в голову, в то время как второй с ножом рванулся вперёд, подныривая под меч Лириана. Сталь блеснула в тусклом свете.

«Нет».

Мысль пронеслась в голове Аэлины не словом, а чистым, белым ужасом.

И её магия, всё это время копившаяся, вырвалась на свободу.

На этот раз – не в ответ на кровь, а в ответ на страх. Не на страх за себя. А на страх за него.

Она не успела ничего осознать. Не было жеста, не было заклинания. Просто из всего её тела хлынула волна невидимой, но физически ощутимой силы. Она ударила, как ураганный ветер, но тоньше и острее. Воздух вокруг завибрировал, зазвенел, как натянутая струна.

Трое мародёров, нападавших на Лириана, были отброшены назад, будто гигантская невидимая рука швырнула их в чашу. Раздался треск ломающихся костей и сухих сучьев. Копьё и нож вылетели из их рук, описав в воздухе дугу. На секунду воцарилась тишина.

Лириан стоял неподвижно, его меч всё ещё наготове. Он не был задет силой. Волна обошла его, точно зная свою цель. Он повернул голову. Его глаза, широко открытые, нашли Аэлину сквозь клубящийся туман.

В них не было гнева. Не было триумфа охотника, нашедшего добычу. Было шоковое, леденящее понимание.

Аэлина застыла, не в силах пошевелиться. Всё было кончено. Она только что использовала магию, чтобы спасти охотника. Сам факт был настолько абсурден, что её разум отказывался это принимать. Она смотрела на Лириана, ожидая увидеть в его глазах сталь, приказ к захвату.

Но он лишь резко мотнул головой в сторону глухого угла леса, за спину Аэлины. Его губы беззвучно сложились в слово: «БЕГИ».

В этот момент с другого края лагеря, разрывая тишину, прозвучал рёв Гарта:
– ЧАРОДЕЙКА! ЗДЕСЬ! КАПИТАН, ОНА—

Выкрик оборвался. Но было уже поздно. Взоры остальных охотников, справившихся со своими противниками или ещё сражавшихся, устремились на неё. Аэлина увидела, как Кира опускает лук, и её лицо искажает не страх, а что-то вроде жалости. Увидела, как Гарт, отбросив тело мародёра, хватается за амулет Подавления и делает шаг в её сторону.

Инстинкт сработал быстрее мысли. Она развернулась и бросилась в чашу.

Ноги подкашивались, ветки хлестали по лицу, туман затягивал её, будто пытаясь поглотить. Она бежала, не разбирая дороги, движимая одним желанием – уйти как можно дальше от того взгляда, от того беззвучного приказа, который спасал её и губил его.

Сзади раздался крик. Не мародёров – их, похоже, уже не осталось. Крики охотников. Приказы. И среди них – низкий, властный голос Лириана, перекрывающий все:
– НЕ СТРЕЛЯТЬ! ВЗЯТЬ ЖИВОЙ!

Но другой голос, хриплый и яростный, возражал:
– Она ведьма, капитан! Она обманула нас! По уставу—

– Я ЗДЕСЬ КОМАНДУЮ, ГАРТ! – рёв Лириана прозвучал так, что даже Аэлина, уже далеко, вздрогнула. В нём была не просто ярость. Была боль. – Концентрируйтесь! Проверьте периметр! Они могли быть разведотрядом!

Он делал всё, чтобы отвлечь их. Чтобы дать ей время.

Аэлина бежала, пока в боку не впилась острая боль, а лёгкие не стали гореть огнём. Она упала в промоину, заросшую папоротником, и затаилась, трясаясь от холода и шока.

Она ждала погони. Ждала звуков приближающихся шагов, лая собак, свиста стрел.

Но из тумана доносились лишь приглушённые, отдалённые голоса. Споры. Потом – приказ Лириана снять лагерь и двигаться на юг, к предполагаемому логову мародёров. Никто не пошёл по её следу. Он её отпустил. Нарушил свой долг. Поставил себя под удар ради... ради чего? Ради той, что обманула его?

Когда звуки окончательно затихли, Аэлина выползла из своего укрытия. Рассвет разгонял туман, окрашивая небо в грязно-розовые тона. Она была одна. Свободна. Как и хотела с самого начала.

Почему же тогда её сердце сжималось от такой острой, пронзительной боли, что хотелось кричать? Почему перед глазами стояло его лицо в момент понимания – не ненависть, а бездонная, уставшая печаль?

Она посмотрела на свои руки. Они всё ещё слабо светились изнутри – остаточное свечение выплеснутой силы. Она спасла его. И он спас её. Ценой, которую им обоим ещё предстоит осознать.

Теперь она была одна в незнакомом лесу, и за ней, возможно, всё ещё шла охота. Но уже не только со стороны охотников. Теперь внутри неё бушевала другая буря – буря чувств, в которых было больше страха перед тем, что она чувствовала, чем перед тем, что её ждало.

Она сделала шаг. Потом другой. Она не знала, куда идти. Дальний Перелесок был мифом. Дом – недостижимой мечтой.

Но она шла. Потому что остановиться – значило сдаться. А в её груди, рядом с леденящим страхом, теплился новый, крошечный и опасный огонёк. Огонёк памяти о серых глазах, которые в самый решающий момент приказали ей жить.

Глава 4. Отзвуки

Первые часы были слепыми. Аэлина шла, не видя пути, управляемая лишь животным инстинктом – уйти дальше, спрятаться глубже. Её тело горело странным, внутренним жаром, будто выплеснутая магия оставила после себя не пустоту, а тлеющие угли. Руки больше не светились, но кожа на запястьях и предплечьях будто бы чуть теплее, чувствительнее к касанию ветра.

Она наткнулась на ручей, падающий каскадом по черным камням в небольшую, скрытую от глаз чашу. Здесь, в грохоте воды, заглушавшем все другие звуки, она наконец позволила себе остановиться. Рухнула на колени у самой кромки, жадно зачерпнула ладонями ледяную воду и стала пить, смывая со рта привкус страха и тумана.

И только тогда, в относительной безопасности, до неё дошла вся тяжесть произошедшего.

Он отпустил меня.

Мысль ударила с новой силой. Охотник, капитан Ордена, чья жизнь была подчинена Уставу и долгу, нарушил всё ради той, кого должен был доставить в Капитолий в оковах Подавления. Он солгал своим людям. Рискнул своим авторитетом, а возможно, и положением. Зачем? Из жалости? Из чувства долга за спасение его жизни? Или... было что-то ещё в том мгновенном, безмолвном взгляде, которым они обменялись сквозь туман?

Аэлина сжала ладони в кулаки, чувствуя, как под кожей снова заструилось знакомое покалывание. Её магия отреагировала на воспоминание, на вспышку эмоции. Раньше она боялась её. Теперь она начала её... чувствовать. Не как проклятие или чужеродную силу, а как часть себя – дикую, необъезженную, но свою. Она спасла им жизнь. Не убила, не разрушила – защитила. Этот факт переворачивал всё, чему её учили с детства: что её дар – лишь опасность, которую нужно скрывать.

С другой стороны чащи, за пеленой падающей воды, что-то шевельнулось.

Аэлина замерла, все чувства обострились до предела. Она медленно повернула голову, готовясь к худшему – к знакомому силуэту в плаще охотника, к угловатой тени мародёра.

Но это был олень. Молодой самец, с бархатными пеньками будущих рогов. Он вышел к ручью в двадцати шагах от неё, настороженно поводя ушами, но не проявляя особого страха. Его большие, тёмные глаза смотрели не на неё, а словно сквозь – туда, где в воздухе ещё висели невидимые шлейфы выплеснутой магии.

И тогда Аэлина поняла. Она не просто оставила физический след. Мощный, неконтролируемый выброс силы, подобный тому, что был в лагере, должен был оставить след в самой ткани мира. След, который могут почуять не только обученные охотники с их амулетами. Его могут уловить другие маги. Или те, кто на них охотится. Или... что-то ещё.

Ей нужно было двигаться. Не просто бежать без цели, а идти куда-то. Дальний Перелесок. Эта мысль, почти забытая за дни страха и странного комфорта в отряде Лириана, вернулась с новой силой. Это была не просто детская сказка. Это был единственный ориентир, единственная цель в мире, который снова стал враждебным и огромным.

Она встала, отряхнула с колен влажный мох и посмотрела на небо, пытаясь по положению солнца определить стороны света. Юг. Все легенды сходились на том, что Перелесок лежал где-то далеко на юге, за непроходимыми лесами и отрогами Спящих Гор.

Она сделала первый осознанный шаг на юг. Потом второй. Её походка была уже не бегством загнанного зверя, а пусть неуверенным, но движением к цели.

День тянулся, медленный и напряжённый. Каждый шорох заставлял её оборачиваться, каждый отдалённый крик птицы отдавался в сердце ледяным уколом. Она думала об отряде. Дошли ли они до логова мародёров? Что сказал Гарт команде после её побега? Подчинились ли они приказу Лириана или между ними произошёл раскол?

А главное – что он чувствовал?

Этот вопрос преследовал её сильнее любых охотников. Она вспоминала его руки, пере-вязывающие её рану. Его спокойный голос у костра. Жестокую эффективность в бою. И тот последний приказ, полный ярости и боли: «НЕ СТРЕЛЯТЬ!»

К вечеру она нашла полуразрушенную, заросшую плющом сторожевую башенку – наследие давно забытых пограничных конфликтов. Здесь можно было переночевать, укрывшись от непогоды и чужих глаз на небольшом возвышении. Разводить огонь было слишком рискованно. Она забралась внутрь, на древние, прогнившие доски второго яруса, свернулась калачиком и укрылась своим походным плащом.

Сон не шёл. Глаза были закрыты, но сознание бодрствовало, проигрывая сцену за сценой. Вспышку магии. Его лицо. Беззвучное «беги».

И тогда, в полной тишине ночи, к ней вернулся звук. Не извне – изнутри. Тихий, едва уловимый гул, похожий на отзвук далёкого колокола, но без источника. Он вибрировал в костях, отзываясь на тлеющие угли магии внутри неё. Это был не голос и не образ. Это было ощущение. Ощущение направления. Тяги.

Оно шло с юга.

Аэлина открыла глаза и села, прислушиваясь к тишине. Гул не прекратился. Он был слабым, едва отличимым от биения собственного сердца, но он был там. Как компасная стрелка, колебавшаяся в глубине её существа.

Значит, легенды были правы. Дальний Перелесок был не просто местом. Он был... живым? Или, может, там было нечто, способное отзываться на магию её рода.

Впервые за многие дни на её губах, сухих от усталости и страха, дрогнуло нечто, отдалённо напоминающее улыбку. Не радостную. Скорее, решительную. Горькую.

У неё теперь была не просто сказочная цель на горизонте. У неё был внутренний маяк. И армия сомнений, страхов и воспоминаний, которую ей предстояло нести с собой.

Перед рассветом, когда небо на востоке только начало сереть, Аэлина покинула башенку. Она стояла на краю небольшого обрыва, с которого открывался вид на бескрайнее море леса, уходящего к далёким, синеватым на горизонте горам. Где-то там был юг. Где-то там гудел тот тихий зов.

Она сделала глубокий вдох, ощущая, как холодный утренний воздух наполняет лёгкие, а вместе с ним – странная, хрупкая решимость.

Путь домой начинался здесь. Путь к пониманию того, кто она есть. И пусть она не знала, что ждёт её в конце, один факт был ясен: той безропотной беглянки, что боялась собственной тени, больше не существовало. Её похоронил взгляд серых глаз в тумане.

Она спустилась с обрыва и шагнула в чащу, навстречу зову и неизвестности.

Глава 5. Дороги и шёпоты

Первый день сознательного пути был самым трудным. Не физически – тело, закалённое неделями скитаний, слушалось. Трудность была в голове. Каждый шаг на юг сопровождался навязчивым вопросом: правильно ли я его поняла? Тихий гул-зов, ощущаемый костями, был слишком абстрактным, слишком похожим на плод воображения истерзанной психики. Что, если это всего лишь эхо её собственного страха? Или, что хуже, ловушка?

К вечеру второго дня сомнения начали брать верх. Лес, прежде казавшийся безграничным и равнодушным, теперь воспринимался как гигантский, молчаливый судья. Деревья смотрели на неё сквозь пелену мха, ветви шептались на языке, которого она не понимала. Аэлина шла, уткнувшись взглядом в землю, стараясь не думать о том, что каждый час удаляет её не только от охотников, но и от единственного человека, который... который посмотрел на неё и увидел не монстра.

Именно тогда зов изменился.

Он не стал громче. Он стал... чётче. Если раньше это было смутное ощущение тяги, то теперь, в моменты глубокой концентрации, ей начинал мерещиться образ. Не картина, а скорее впечатление: высокие, тёмные деревья с серебристой корой; холодный, чистый воздух, пахнущий хвоей и озоном; и тишина – не мёртвая, а насыщенная, будто сама природа здесь затаила дыхание.

Это было обнадеживающе и пугающе одновременно.

На третий день она наткнулась на реку. Не на ручей, а на настоящую, широкую и быструю реку, разрезавшую лес пополам. Вода была цвета холодной стали, и течение несло по поверхности обломки веток и пожелтевшие листья. Пересечь её вброд было невозможно – глубина и сила потока не оставляли шансов.

Аэлина замерла на берегу, чувствуя, как внутри неё нарастает знакомая паника. Преграда. Тупик. Зов, однако, не ослабевал и не менял направления. Он упрямо тянул на другой берег.

«Значит, нужно искать брод. Или мост», – прошептала она себе, и от звука собственного, хриплого от долгого молчания голоса, вздрогнула.

Она пошла вдоль берега на восток, туда, где сквозь деревья проглядывали отроги холмов. Через пару часов тропа, которую она интуитивно выбрала, привела её к странному месту. Это была не просто поляна. Казалось, лес здесь отступил, образуя почти идеальный круг. В центре, на плоском камне, поросшем лишайником, лежала грудa почерневших от времени костей. Не звериных. Человеческих. Череп смотрел пустыми глазницами в небо, а вокруг, образуя хаотичный узор, валялись обломки рёбер и длинные кости конечностей.

Аэлина остановилась, сердце заколотилось. Это был знак. Но чей? Охотников, казнивших здесь очередного мага столетия назад? Или самих магов, совершавших какие-то обряды?

Она хотела было обойти это место стороной, но ноги будто приросли к земле. А затем она это почувствовала. Лёгкое, едва уловимое колебание в воздухе. Не запах, не звук. Отголосок. Эмоциональный снимок, застывший в самом пространстве. Тоска. Невыносимая, всепоглоща-

ющая тоска и, в самый последний момент, – вспышка не смирения, а яростного, безумного вызова.

Магия. Здесь умерла магия. Насильственно и в отчаянии.

Безотчётно, Аэлина подняла руку и провела ладонью над грубой поверхностью центрального камня, не касаясь его. Искры, крошечные и холодные, как зимние звёзды, заплесали у неё на кончиках пальцев, отзываясь на древнюю боль этого места. Это был не сознательный акт, а инстинктивный отклик – как плач на чужое горе.

Внезапно, за её спиной хрустнула ветка.

Аэлина рванулась в сторону, погасив искры, и прижалась спиной к толстому стволу сосны. Из-за деревьев на поляну вышел не охотник и не мародёр.

Это был старик. Одетый в потрёпанную, сшитую из звериных шкур одежду, с длинными, седыми, спутанными волосами и бородой. В руках он держал простой посох из ясеня. Его лицо было изрезано глубокими морщинами, но глаза... глаза были ясными и не по-стариковски острыми. Он смотрел не на неё, а на кости на камне, и его взгляд был полон бездонной, знакомой печали.

«Опять пришли цветочки на могилу, – произнёс он хриплым, но сильным голосом, не поворачивая головы. – Каждый раз, когда ветер дует с севера и несёт на себе след молодой, необузданной силы... они прорастают».

Аэлина не двигалась, затаив дыхание.

Старик медленно повернулся к ней. Его глаза встретились с её взглядом, и в них не было ни удивления, ни угрозы. Была лишь усталая понимающая грусть.

«Не бойся, дитя тумана, – сказал он. – Я не из Ордена. Давно уже не из кого-либо».

«Кто вы?» – выдавила она, голос дрогнул.

«Сторож. Отшельник. Последний, кто помнит настоящее имя той, чей прах лежит на этом камне». Он кивнул в сторону костей. «Её звали Элиана. И она, как и ты, бежала. Только ей повезло меньше».

Аэлина почувствовала, как комок подступает к горлу. «Охотники?»

«Охотники, – подтвердил старик, и в его голосе прозвучала горечь. – Но не те, что сейчас. Те были... фанатичнее. Не оставляли даже костей для земли. Это сделал я. После». Он помолчал, вглядываясь в неё. «Твой след яркий. Слишком яркий для того, кто хочет остаться незамеченным. Ты оставила за собой шлейф, будто метеор в ночном небе. Иди сюда».

Он не был похож на того, кто станет её хватать. В нём была какая-то разрушительная, но не злая сила. Аэлина, преодолевая страх, сделала несколько шагов вперёд, останавливаясь в паре метров от него.

Старик протянул руку, не касаясь её, и провёл ладонью в воздухе перед её грудью. Его брови удивлённо поползли вверх. «Интересно... Он не просто ослабил хватку. Он сломал печать. Надолго. Искусно и... безрассудно».

«О ком вы?» – прошептала Аэлина, но в душе уже знала ответ.

«О сероглазом охотнике с лицом, вырезанным из камня и молнии, – сказал старик. – Его гнев ещё висит в воздухе на полпути между здесь и его лагерем. Гнев на себя. На Устав. На несправедливость. Редко кто из них способен на такое. Обычно они просто... выполняют приказы».

«Он отпустил меня», – сказала Аэлина, и эти слова прозвучали как признание, как клятва и как приговор одновременно.

«Он обрёк тебя, – поправил старик мягко, но беспощадно. – И себя. Теперь ты – его личный провал. Его незакрытое дело. И пока ты на свободе, его положение, его авторитет, а может, и жизнь – под угрозой. Орден не прощает предательства Устава. Даже молчаливого».

Холод пробежал по спине Аэлины. Она об этом думала, но услышать это от постороннего, да ещё сказанное с такой неоспоримой уверенностью, было в тысячу раз хуже.

«Что мне делать?» – вопрос вырвался сам, детский и беспомощный.

«То, что ты и делаешь, – идти. – Старик указал посохом через реку, на юг. – Твой зов – не самообман. Дальний Перелесок реален. Это... убежище. Или тюрьма. Смотря для кого. Но для таких, как мы, это единственное место, где можно дышать, не оглядываясь через плечо. Но чтобы дойти, тебе нужно научиться скрывать свой свет, дитя. А не просто метать молнии».

«Я не умею».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.